

как и в других случаях, идейное на почве идеологии XV—XVI веков, родство плача с другими памятниками.

Дальнейшая судьба плача в немногих словах может быть представлена в таком виде. Созданный одновременно с редакцией Хронографа 1512 года, он так и остался навсегда с ней соединенным: отдельных списков плача, кажется, не встречается в рукописях. Редакция Хронографа 1512 года, получившая широкое распространение (вероятно, после 1533 года), заменила плач (вероятно, как мало фактический и по своему настроению мало подходящий к остальным статьям Хронографа) одной из редакций большой воинской повести (названной мною хронографической). Плач сохранился в сравнительно ограниченном количестве списков¹ и заметного непосредственного влияния на последующую хронографическую литературу оказать не мог.²

Некоторый интерес для литературной истории плача представляют текст Барс. 1787 и текст Шафарика 29 — так называемый Верхобрезницкий Хронограф 1650 года.³ Текст Барсова представляет выборку из Хронографа старшей редакции, имеющую свой счет глав;⁴ здесь, под главой 28 (л. 104 об.), помещено: «О взятии Царьграда от безбожного турского царя Амурата» (так!).⁵ Текст представляет извлечение из плача и почти вполне им покрывается. Составитель, с перестановками отдельных мест оригинала, взял только то, что в плаче непосредственно касалось Константинополя, откинув все рассуждения автора плача и все, что говорится в плаче о Русской земле. Причина такого использования плача совершенно ясна. Целью составителя извлечения была история разорения Царьграда, и он заимствовал для своей переделки только то, что носило, на его взгляд, фактический характер в «Плаче», касалось непосредственно падения Царьграда. Рассматриваемый текст дает некоторый материал для истории плача, а косвенно и для истории сказаний о падении Царьграда в XVI веке.

Несколько иной интерес представляет для истории плача, а вместе с тем для большой повести о взятии Царьграда Верхобрезницкий Хронограф 1650 года, отразивший в сербском списке не только один из фактов русского влияния в сербской литературе, но и один из своеобразных видов Хронографа.⁶ Он основывается на списке русского Хронографа, но не

¹ Помимо печатных изданий плача (в ПСРЛ и «Изборнике» Попова), я имел под рукой следующие рукописные тексты Хронографа: Хлуд. 184; Увар. 16, в лист; Барс. 1695, XVII в.; Барс. 1704, XVII в.; Барс. 1787, XVI в.; Чуд. 354, XVI в.; ГИМ 2176, XVI в.; ГИМ 2033, начала XVII в.; Шафарика (Чешск. муз. в Праге, 29, иначе: IX.9.6). Все перечисленные списки, кроме последних двух, дают один и тот же текст с незначительными разночтениями и совпадают с изданными.

² Как на отражение плача предположительно можно было указать разве на упоминание о предках Магомта во 2-й редакции Хронографа (1617 год) и на счет годов (1117) от первого Константина до последнего.

³ Текст сербский, восходящий к русским. О нем см.: J. J. Geček Chronograf Vrchobřeznický se zvláštním vzhledem k obsazenému v něm vyličení nejstarších dějin českých. Praha, 1879, стр. 4—5, 8—20; А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 11 и сл.; М. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге. М., 1894, стр. 92—96.

⁴ Это собственно сборник XVI века: выборка из Хронографа в нем занимает начало рукописи, за нею идет статья о Гедимине литовском, выписки из Толковой Псалти.

⁵ Этой главе предшествуют статьи, соответствующие главам Хронографа редакции 1512 года, в таком порядке: 203, 207, 205, 206; изложение сильно сокращено.

⁶ А. А. Шахматов (К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 11—12) исправил и дополнил мои наблюдения над этим Хронографом в одной из ранних моих статей (Сербские хронографы в русской первой редакции. Русский Филологический вестник, 1896), почему я в дальнейшем принимаю поправки и дополнения А. А. Шахматова.